

3. Хомич, В.М. Заключение под стражу в Республике Беларусь (международный стандарт и правовая оценка) / В.М. Хомич // Экономика, упр., право. – 2002. – № 2. – С 40–43.

4. Мытник, П.В. О судебном контроле при производстве по материалам и уголовным делам / П.В. Мытник // Юстиция Беларуси. – 2005. – № 2. – С. 54–56.

5. Замечание общего порядка № 35, Статья 9 (Свобода и личная неприкосновенность) [Электронный ресурс] : 16 дек. 2014 г., ССР/С/GC/35 : принято Ком. ООН по правам человека // UNHCR. – Режим доступа: <https://www.refworld.org.ru/docid/564f3bdb4.html>. – Дата доступа: 13.01.2020.

6. Мытник, П.В. Следственные действия: смена парадигмы? / П.В. Мытник // Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь. – 2018. – № 1. – С. 104–110.

7. Правосудие по делам несовершеннолетних: Республика Беларусь и международный опыт : учеб.-метод. пособие / А.В. Барков [и др.] ; гл. ред. А.В. Барков [и др.]. – Минск : Четыре Четверти, 2018. – 120 с.

8. Замечание общего порядка № 10 (2007): Права детей в рамках отправления правосудия в отношении несовершеннолетних : 25 апр. 2007 г., ССР/С/GC/10 : принято Ком. ООН по правам ребенка // UNHCR. – Режим доступа: <https://www.refworld.org.ru/category,LEGAL,CRC,,4ffd3c082,0.html>. – Дата доступа: 20.01.2020.

9. Практика применения судами законодательства при рассмотрении уголовных дел о преступлениях несовершеннолетних (по материалам обзора) // Суд. вестн. – 2016. – № 1. – С. 50–63.

Дата поступления в редакцию: 05.02.20

R.R. Alekperov, Postgraduate student of the Scientific and Pedagogical Faculty of the Academy of the MIA of the Republic of Belarus

DETENTION: NATIONAL LEGISLATION AND INTERNATIONAL LEGAL STANDARDS

Aspects of compliance with the legal regulation of the application of preventive measures in the form of detention in the Republic of Belarus with international legal standards are examined. A comparative legal analysis of the legal norms of the main international regulatory legal acts and the norms of national legislation governing the application of this preventive measure has been carried out. It is concluded that the rules governing the application of detention are not in compliance with international law. It is proposed to amend the criminal procedure law to bring standards. The Code of Criminal Procedure of the Republic of Belarus in accordance with generally recognized international legal standards.

Keywords: detention, preventive measure, restriction of law, international legal standard, court.

УДК 343.1(476)

В.П. Зайцев, адъюнкт научно-педагогического факультета Академии
МВД Республики Беларусь
(e-mail: vov7576@mail.ru)

ОБ ЭФФЕКТИВНОСТИ НАЛОЖЕНИЯ АРЕСТА НА ИМУЩЕСТВО

Исследуется значение наложения ареста на имущество в уголовном процессе Республики Беларусь в его неразрывном историческом сочетании как меры уголовно-процессуального принуждения с государственным принуждением; описывается его место в системе мер принуждения. Акцентируется внимание на правосоставительной особенности уголовно-процессуального ареста, подчеркивается его связь с правозащитными нормами международного права, а также влияние тенденций реализации таких норм в национальной модели уголовного судопроизводства. Выносятся предложения по реализации Концепции защиты жертв преступной деятельности, оптимизации правового статуса потерпевшего от преступления, повышению эффективности и значения наложения ареста на имущество в уголовном процессе Республики Беларусь.

Ключевые слова: государственное принуждение, уголовный процесс, наложение ареста на имущество, обеспечительная и правосоставительная мера, процессуальная гарантия, права потерпевшего, интересы общества и государства.

В соответствии с УПК Республики Беларусь (ч. 7 ст. 132) уголовно-процессуальная мера принуждения в виде наложения ареста на имущество заключается в запрете, адресованном собственнику (владельцу) имущества, на распоряжение, а в необходимых случаях и пользование этим имуществом либо в изъятии имущества и передаче его на хранение.

Итак, наложение ареста на имущество (арест имущества¹) – мера уголовно-процессуального принуждения, применяемая органом, ведущим уголовный процесс, после возбуждения уголовного дела в отношении имущества подозреваемого, обвиняемого, лиц, несущих по закону материальную от-

¹ См.: Зайцев, В.П. Соотношение понятий «наложение ареста на имущество» и «арест имущества» в уголовном процессе Республики Беларусь / В.П. Зайцев // Юстиция Беларуси. – 2019. – № 4. – С. 62–65.

ветственность за их деяния, а также в отношении имущества других лиц в целях обеспечения возмещения ущерба (вреда), причиненного преступлением, взыскания дохода, полученного преступным путем, гражданского иска, других имущественных взысканий, специальной конфискации, для проверки фактической принадлежности имущества, источников его происхождения и законности отчуждения, которая заключается в запрете на распоряжение, а в необходимых случаях и пользование этим имуществом либо в изъятии имущества и передаче его на хранение.

Приведенное определение синтезирует в себе ключевые признаки исследуемой меры уголовно-процессуального принуждения, оставляя при этом за рамками понятия важную латентную характеристику – ее значение. Детальное рассмотрение указанной меры поможет всесторонне подойти к изучению заявленной темы.

Наложение ареста на имущество в уголовном процессе Республики Беларусь получило свою «регистрацию» в системе мер процессуального принуждения сравнительно недавно. Выступая одним из инструментов государственного принуждения, уголовно-процессуальный арест имущества способствует решению важных задач, стоящих не только перед уголовным судопроизводством, но и перед государством в целом. Однако говорить о наличии проработанных национальных позиций и подходов к вопросу о значении наложения ареста на имущество в уголовном процессе Республики Беларусь не приходится.

Осуществление уголовного судопроизводства направлено на обеспечение законных прав и интересов лиц, которым преступлением причинен физический, имущественный или моральный вред, а также уголовное преследование и защиту лиц, подозреваемых, обвиняемых в совершении предусмотренных уголовным законом общественно опасных деяний (ст. 2 УПК). При этом гарантом эффективного выполнения подчеркнутых задач уголовного процесса часто выступает не только убеждение, но и принуждение как методы государственного воздействия на лиц, вовлеченных в уголовный процесс.

Суть убеждения заключается в активном воздействии на сознание людей, формирующем у них убежденность в необходимости добровольного соблюдения установленного в обществе правопорядка. В результате воздействия таких мер соблюдение правил поведения становится осознанной обязанностью, затем внутренней потребностью и превращается в стойкую привычку [1, с. 3–4]. В случаях несостоятельности убеждения применяется принуждение.

Основой государственного принуждения выступает соответствующий механизм, включающий в себя систему эффективных средств – мер, рассматриваемых как действия, средства или способы достижения определенных целей. Применяемые уполномоченными государственными органами и их должностными лицами в уголовном процессе меры государственного принуждения принято называть мерами процессуального или уголовно-процессуального принуждения (А.Н. Ахпанов, И.И. Басецкий, С.В. Кодавбович, С.В. Борико, П.В. Гридюшко, В.В. Мелешко, А.А. Данилевич, О.В. Петрова, В.И. Самарин, З.Д. Еникеев, Н.Ф. Карпиевич, Е.Н. Котов, О.А. Антонова, Л.И. Кукреш, Т.Н. Линник, С.Ю. Ревтова, Н.М. Савгирова, М.А. Шостак и др.).

Опыт швейцарского ученого М. Питта свидетельствует о том, что уголовное судопроизводство служит установлению истины и снятию подозрений. При этом обвиняемый может не оказывать никакого содействия. В этой связи возникает необходимость в применении к нему мер принуждения [2, S. 104]. Способствующими охране законных прав лиц, участвующих в уголовном судопроизводстве, австрийский процессуалист Х. Редер называет меры процессуального принуждения [3, S. 160]. По мнению И.Л. Петрухина, в уголовном процессе приходится прибегать к принуждению в тех случаях, когда субъект процессуальной обязанности не желает выполнить ее добровольно и тем самым создает помехи в отыскании истины по уголовному делу, защите прав и законных интересов других участвующих в процессе лиц [4, с. 42].

В УПК к мерам процессуального принуждения законодатель относит задержание, меры пресечения, иные меры процессуального принуждения (разд. IV). Особое место в системе иных мер процессуального принуждения принадлежит наложению ареста на имущество (ст. 128, 132 УПК).

Задачи уголовного процесса не исчерпываются только изобличением виновного в совершении преступления и его наказанием. Защита прав и интересов лиц, пострадавших от преступления, может быть обеспечена в полной мере лишь в случае возмещения причиненного им вреда [5, с. 46].

Наложение ареста на имущество служит универсальным средством: направлено не только на возмещение ущерба (вреда), но и на обеспечение гражданского иска, взыскания дохода, полученного преступным путем, других имущественных взысканий (процессуальные издержки, денежные взыскания (ст. 121, 123 УПК)), специальной конфискации (ст. 46¹ УК).

Возмещение ущерба (вреда) потерпевшему от предусмотренного уголовным законом общественно опасного деяния выступает одной из центральных проблем обеспечения его прав и законных интересов, причем не только в Беларуси, но и за ее пределами. Так, китайский процессуалист Мяо Мэйхуа утверждает, что «... в уголовном процессе приоритетными должны быть задачи восстановления нарушенных прав потерпевшего, возмещения ему причиненного преступлением вреда» [6, с. 9]. В качестве сторонников сходных научных позиций следует упомянуть Б.Л. Ващука (Украина) и Ж.У. Имангазиеву (Республика Казахстан).

Уникальность наложения ареста на имущество заключается в том, что в отличие от уголовного наказания оно не носит карательного характера и направлено на защиту интересов потерпевшего, а также иных лиц; может применяться как в публично-правовых целях для обеспечения государственных интересов, так и для защиты субъективных гражданских прав лиц, потерпевших от преступления [7, с. 60–61].

Мера уголовно-процессуального принуждения в виде наложения ареста на имущество выступает важным элементом «парадигмы восстановления». Термин использован британским ученым Э. Эшуортом, который, рассматривая принципы компенсации за несправедливость, пропорциональности, независимости и беспристрастности правосудия, утверждал, что законный интерес пострадавшего от преступления лица заключается в компенсации и (или) возмещении ущерба (вреда), а не в форме или размере наказания преступника. Наложение ареста на имущество имеет непосредственную направленность на восстановление нарушенных имущественных и переводимых в денежный эквивалент прав и интересов лиц, пострадавших от совершенного уголовно наказуемого деяния. Ни одна другая мера процессуального принуждения таким свойством не отличается. Подвергнутое аресту имущество реально может и должно быть реализовано для обеспечения возмещения ущерба (вреда), причиненного преступлением, обеспечения гражданского иска. «Возмещение ущерба (вреда) потерпевшему должно быть основным элементом реагирования на преступление», – писал Э. Эшуорт, ссылаясь на мнение ученых Д. Дигнана и М. Кавадино, занимавшихся изучением пенитенциарных проблем в Англии и Уэльсе [8, р. 583–585].

Право на возмещение причиненного противоправными деяниями вреда, на восстановление в правах и законных интересах закреплено рядом международно-правовых актов (ст. 8 Всеобщей декларации прав человека 1948 г., ст. 4 Декларации основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотреблений властью 1985 г., ст. 19 Конвенции Содружества Независимых Государств о правах и основных свободах человека 1995 г.).

Во многих странах мира поддержка жертв преступлений возведена в ранг государственной политики. Взносы в специальные фонды делают прежде всего правоохранительные органы. Например, в США при Министерстве юстиции создан департамент помощи жертвам преступлений, в Англии образован комитет по компенсации телесных повреждений, полученных в результате преступлений (Решение Конституционного Суда Республики Беларусь от 7 ноября 1994 г. № Р-6/94). В Швеции с 1978 г. действует Закон «О компенсации вреда, причиненного преступлением», который был принят для правового регулирования компенсационных выплат из государственных фондов [9, с. 127, 130]. Подобная политика воспринята и активно проводится в Австралии, Австрии, Германии, Италии, Мексике, Нидерландах, Новой Зеландии, Норвегии, Финляндии, Франции, Японии и др.

Отсутствие в Беларуси компенсационных фондов для потерпевших только укрепляет значимость меры уголовно-процессуального принуждения в виде наложения ареста на имущество в области обеспечения прав и законных интересов потерпевших от предусмотренных уголовным законом общественно опасных деяний.

Соглашаясь с позицией мирового сообщества о признании правовой защиты потерпевших от преступлений в качестве одной из приоритетных задач органов, ведущих уголовный процесс, Советом Министров Республики Беларусь констатирована недостаточная активность реализации в стране программ возмещения ущерба (вреда) потерпевшим за счет государства. Положения Декларации ООН 1985 г. о защите жертв преступлений крайне медленно внедряются в практическую деятельность органов, ведущих уголовный процесс, что негативно сказывается на эффективности работы по предупреждению преступности и воздействия последствий преступной деятельности на население (Концепция защиты жертв преступной деятельности, утвержденная постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 20 января 2006 г. № 74 (далее – Концепция)).

Одним из таких последствий выступает причиненный общественно опасным деянием ущерб (вред). По убеждению В.М. Савицкого, устранение последствий преступления, в том числе через возмещение причиненного ущерба (вреда), должно стать одним из приоритетных направлений работы государства, так как предотвратить преступление его органам не удалось.

Пути решения существующих в национальном законодательстве проблем защиты прав и свобод потерпевших предложены в Концепции. В качестве ее целей в том числе установлены: повышение эффективности деятельности органов, ведущих уголовный процесс, по возмещению потерпевшим от преступлений физического, имущественного и морального вреда; определение основных направлений научных исследований по предупреждению воздействия последствий преступной деятельности на население и защите потерпевших от преступной деятельности. Однако нормы уголовно-процессуального закона о защите участников уголовного процесса, в том числе потерпевших и членов их семей (ст. 65–75 УПК), применяются довольно редко, определяют только общий процессуальный порядок, а соответствующие механизмы их реализации еще не разработаны. В Концепции таким образом подчеркивается необходимость расширения масштаба научных исследований по изучению проблем защиты потерпевших от преступной деятельности и предупреждения воздействия последствий такой деятельности на население.

По мнению Р.М. Пыталева, конституционный принцип обеспечения государством компенсации причиненного вреда лицам, пострадавшим от преступления или предусмотренного уголовным законом общественно опасного деяния невменяемого, в действительности носит только декларативный характер. Приходится констатировать, что государство в настоящее время не обеспечивает пострадавшему лицу своевременную и необходимую компенсацию за причиненный вред.

Так, в уголовном процессе Республики Беларусь «работают» только две формы возмещения ущерба (вреда): добровольная и принудительная.

Процедура добровольного возмещения вреда не подлежит урегулированию нормами уголовно-процессуального законодательства ввиду нецелесообразности, так как нет необходимости включать в субъектный состав органы, ведущие уголовный процесс. Такие правоотношения достаточно досконально урегулированы нормами гражданского законодательства. Добровольное возмещение вреда органично вписывается в реституционные процессы. Подозреваемый или обвиняемый может инициативно передать органам, ведущим уголовный процесс, имущество, в том числе денежные средства, необходимые для восстановления прав и законных интересов потерпевшего [10, с. 7].

В юридической литературе возмещение вреда часто сводится к институту гражданского иска в уголовном процессе (Н.М. Бобров, С.И. Довгун), направленному по своей сути на возмещение физического, имущественного или морального вреда, причиненного непосредственно преступлением или предусмотренным уголовным законом общественно опасным деянием невменяемого (ч. 1 ст. 148 УПК), и выступающему одной из форм компенсации негативных последствий их совершения. По мнению С.Л. Емельянова, гражданский иск в уголовном процессе входит в число элементов механизма реализации признанного мировым сообществом права на возмещение ущерба. Он обеспечивает наиболее быстрое возмещение потерпевшему ущерба, считает Н.А. Васильева, характеризуется высокой степенью эффективности, пишет В.В. Гладышев. Соглашаясь в целом с приведенными научными позициями, важно дополнить их тем, что реализация принудительного обеспечения гражданского иска самым непосредственным образом связана с наложением ареста на имущество, которое может быть применено в интересах его исполнения даже до заявления такого иска в рамках уголовного дела. Часть работы по понудительному обеспечению гражданского иска находится в функциональной компетенции органов принудительного исполнения (последние к уголовно-процессуальному наложению ареста на имущество отношения не имеют), но происходит это не ранее стадии судебного разбирательства (ч. 2 ст. 156 УПК). С момента возбуждения уголовного дела и до начала судебного разбирательства указанная задача целиком и полностью возложена на органы уголовного преследования (ст. 284 УПК), через фактическую деятельность которых реализуется применение в уголовном процессе меры процессуального принуждения в виде наложения ареста на имущество.

В целях реализации Концепции, совершенствования правового статуса потерпевшего от преступления, повышения эффективности и значения наложения ареста на имущество, поддержания сходных инициатив (Н.М. Бобров, Н.С. Бушкевич, Л.В. Павлова) предлагаем создать государственно-общественный внебюджетный фонд компенсации вреда потерпевшим от преступления, общественно опасного деяния невменяемого, распорядителем фонда установить Министерство труда и социальной защиты Республики Беларусь. Считаем, что необходимо формировать фонд, в том числе, из обязательных отчислений от сумм реализации арестованного имущества, включая денежные средства, по вступившим в законную силу обвинительным приговорам суда. Дополнительными поступлениями могут стать добровольные пожертвования, в связи с чем и предлагается название «государственно-общественного» фонда. В качестве размера отчислений предлагаем установить 10 % от сумм реализации арестованного имущества по примеру п. 1 ч. 3 ст. 120 Закона Республики

Беларусь «Об исполнительном производстве». Основаниями выплаты компенсации предлагаем считать краткую аудиозапись обращения получателя, сделанную сотрудником распорядительного органа, а также предъявление заверенных в установленном порядке копий процессуальных документов, подтверждающих участие лица в уголовном процессе в качестве потерпевшего и указывающих на невозможность принудительного взыскания ущерба (вреда) с его причинителя (смерть, объявление в розыск, иное). Подобная техническая процедура, по нашему мнению, позволит свести к минимуму коррупционные проявления при распоряжении средствами предлагаемого к созданию фонда. С учетом развития современных технологий хранение цифровой информации в виде коротких звукозаписей не повлечет особых расходов. Детальную регламентацию порядка формирования фонда, оснований выплат компенсаций, отчетности использования средств, других вопросов работы фонда полагаем необходимым реализовать в рамках подзаконного нормативного правового акта.

Создание фонда считаем назревшей необходимостью, обусловленной приоритетами норм международного права, усилением процессов интеграции Беларуси в международное сообщество, требованиями развития национального цивилизованного общества, необходимостью внедрения современных теоретико-правовых разработок в правоприменительные механизмы уголовного процесса. Его функционирование поможет обеспечить реальное восстановление нарушенных прав, свобод и интересов потерпевших в тех случаях, когда взыскание ущерба (вреда) с причинивших его лиц не представляется возможным. Смерть, розыск лица, причинившего ущерб (вред), а также другие обстоятельства не должны служить преградами достижения высшей цели государства, предусмотренной ст. 21 Конституции Республики Беларусь.

Постоянное внимание органов уголовного преследования и суда к наложению ареста на имущество с целью возмещения ущерба, причиненного преступлением или общественно опасным деянием, предусмотренным уголовным законом, совершенным невменяемым, подтверждается и судебно-следственной практикой. Так, по данным информационного центра МВД Республики Беларусь, из 407 720 р. установленного в 2016 г. в Республике Беларусь по оконченным уголовным делам ущерба – 120 781 р. (29,6 %) возмещено, при этом наложен арест на имущество на сумму 228 447 р. (56,1 %). В 2017 г. установлено 238 036 р. ущерба, возмещено – 114 117 р. (47,9 %), наложен арест на имущество на сумму 150 576 р. (63,3 %). В 2018 г. установлено 244 231 р. ущерба, возмещено – 68 767 р. (28,2 %), наложен арест на имущество на сумму 287 299 р. (117,6 %). Сравнительный анализ приведенных статистических данных указывает на наличие прогрессивной тенденции применения меры уголовно-процессуального принуждения в виде наложения ареста на имущество [11].

Обращение к вопросу о значении наложения ареста на имущество в уголовном процессе Республики Беларусь указывает на актуальность, востребованность и перспективность этой меры процессуального принуждения. Арест имущества выступает эффективным элементом правосознательного механизма и служит одной из процессуальных гарантий защиты прав и законных интересов физических и юридических лиц, интересов общества и государства в целом. Учитывая высокий реституционный потенциал, наложение ареста на имущество следует использовать в структуре новых правоохранительных инструментов, в качестве средств оптимизации и гармонизации уголовного процесса.

Список использованных источников

1. Коврига, З.Ф. Уголовно-процессуальное принуждение / З.Ф. Коврига. – Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1975. – 175 с.
2. Pieth, M. Schweizerisches Strafprozessrecht / M. Pieth. – Basel : Helbing Lichtenhahn, 2009. – 324 S.
3. Roeder, H. Lehrbuch des österreichischen Strafverfahrensrechtes / H. Roeder. – Wien : [s. n.], 1976. – 412 S.
4. Петрухин, И.Л. Свобода личности и уголовно-процессуальное принуждение / И.Л. Петрухин. – М. : Наука, 1985. – 239 с.
5. Ермолович, В.Ф. Гражданский иск в уголовном деле – один из способов возмещения причиненного преступным деянием вреда / В.Ф. Ермолович, А.М. Паутов // Тр. Профсоюзы. Общество. – 2015. – № 4. – С. 46–49.
6. Мяо Мэйхуа. Сравнительное исследование охраны прав потерпевшего в уголовном судопроизводстве КНР и РФ : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Мяо Мэйхуа ; Юрид. ин-т Дальневост. гос. ун-та. – Владивосток, 2009. – 27 с.
7. Зиновьев, К.О. Арест имущества в российском уголовном процессе: ключевые черты в призме конституционного правосудия / К.О. Зиновьев // Уголовная юстиция в свете интеграции правовых систем и интернационализации криминальных угроз : сб. науч. тр., приуроч. к 90-летию д-ра юрид. наук проф. И.И. Мартинович / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: А.А. Данилевич (отв. ред.), О.В. Петрова, В.И. Самарин. – Минск, 2017. – С. 60–61.
8. Ashworth, A. Responsibilities, rights and restorative justice / A. Ashworth // The Brit. J. of Criminology. – 2002. – Vol. 42, № 3. – P. 578–595.

9. Андрусенко, С.П. Уголовно-правовая защита жертв преступлений по законодательству Швеции XX–XI вв. (историко-правовой анализ) / С.П. Андрусенко // Журн. зарубеж. законодательства и сравн. правоведения. – 2016. – № 6. – С. 126–136.

10. Емельянов, С.Л. Гражданский иск в уголовном процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / С.Л. Емельянов ; Акад. МВД Респ. Беларусь. – Минск, 2004. – 20 с.

11. О представлении сведений : письмо информ. центра МВД Респ. Беларусь, 19 дек. 2019 г., № 4/29819овд.

Дата поступления в редакцию: 24.01.20

V.P. Zaitsev, Postgraduate student of Scientific and Pedagogical Faculty of the Academy of the MIA of the Republic of Belarus

ON THE EFFECTIVENESS OF SEIZURE OF PROPERTY

The article examines the importance of seizing property in the criminal process of the Republic of Belarus in its inescapable historical combination as a measure of criminal procedural coercion with state coercion; describes his place in the system of coercive measures. Attention is focused on the restorative justice measures of the criminal procedure arrest, its relationship with human rights norms of international law, as well as the influence of trends in the implementation of such norms in the national model of criminal proceedings are emphasized. Proposals are being made to implement the Concept of protecting victims of criminal activity, optimizing the legal status of a victim of a crime, increasing the effectiveness and importance of seizing property in the criminal process of the Republic of Belarus.

Keywords: state coercion, criminal process, seizure of property, enforcement and restorative justice measure, procedural guarantee, rights of the victim, interests of society and the state.

УДК 343.1 (476)

В.П. Зайцев, адъюнкт научно-педагогического факультета Академии
МВД Республики Беларусь
(e-mail: vov7576@mail.ru);

В.В. Мелешко, кандидат юридических наук, доцент, профессор кафе-
дры уголовного процесса Академии МВД Республики Беларусь
(e-mail: mvvmvd@yandex.ru)

НАЛОЖЕНИЕ АРЕСТА НА КРИПТОВАЛЮТЫ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ: КОРОТКО О ГЛАВНОМ

Рассматривается феномен криптовалют, выделяются свойства цифровых знаков (токенов) в их имущественном контексте. Акцентируется внимание на вопросах национального и зарубежного правового статусов криптовалют, существующих проблемах использования этих знаков (токенов) в качестве предмета наложения ареста на имущество. Предлагается законодательное закрепление криптовалют в качестве самостоятельного вида объектов гражданских прав. Разработан механизм (в общем виде) наложения ареста на криптовалюты, который рекомендуется использовать в уголовном процессе Республики Беларусь.

Ключевые слова: уголовный процесс, наложение ареста на имущество, криптовалюты, наложение ареста на криптовалюты, мультивалютные криптокошельки.

В соответствии с п. 4 Приложения 1 к Декрету Президента Республики Беларусь от 21 декабря 2017 г. № 8 «О развитии цифровой экономики» (далее – Декрет № 8) *криптовалюта* – биткоин, иной цифровой знак (токен), используемый в международном обороте в качестве универсального средства обмена.

Интеграция постоянно развивающихся глобальной сети Интернет и компьютерных технологий служит платформой для самых разных информационно-технических достижений. Одним из электронно-цифровых продуктов программирования и криптографии, процессов технологизации и цифровизации современного информационного общества стали всемирно известные криптовалюты (Ethereum, ripple, litecoin, monero, tronix, bitcoin, EOS и др.) – цифровые знаки (токены), функционирование которых основано на криптографических методах шифрования информации.

С вовлечением в финансовый оборот криптовалют, первой из которых стал созданный в 2009 г. «bitcoin» (далее – биткоин), в правовой теории и практике начали возникать проблемы, связанные с их обращением и использованием. Одной из отраслевых проблем уголовного процесса стал вопрос о возможности применения меры процессуального принуждения в виде наложения ареста на имущество в отношении криптовалют.